

Константин Сидоров

Черный роман

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Константин Сидоров

Черный роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30485318

SelfPub; 2018

Аннотация

Что вы подумаете, если в самый обычный унылый день у вас на пороге появится ваша ровесница с известием, что она ваша дочь? Полезете ли в авантюру с перемещением во времени, чтобы обрести свою единственную любовь? Как вам кажется, может ли суицид быть рациональным и обдуманном решением? Ответы ищите здесь! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Начало	4
Перемены	17
Хиро	33
Просвет	44
Тетя	51
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Начало

Я немного помедлил прежде чем раскрыть сложенный втрое листок со своим именем на нем.

«Это странно, писать тебе. Но у меня много чего странно. Ты, дочитай, пожалуйста, до конца. То, что я скажу, вызовет у тебя недоумение и шок, но от этого не перестанет быть правдой. Девушка, что дала тебе это письмо – твоя дочь. У тебя есть полное право удивиться, не поверить, думать, что угодно. Я знаю, так и будет, ты за несколько минут все это переживешь по кругу несколько десятков раз. Главное – не сопротивляйся происходящему. То, что случилось с тобой сегодня, сдвинет тебя с мертвой точки. Я знаю, ты сейчас подумал о том, что перестанешь страдать по той мадам, что бросила тебя недавно, но это скоро покажется тебе совершенно не важным, поверь, через несколько лет ты даже не сможешь вспомнить, как ее звали. Я, вот, точно не могу. А ведь я – это будущий ты. Ну, да. А кому еще я мог доверить сообщить тебе столь важную новость, кроме самого себя? Девушка, стоящая перед тобой, – твоя дочь, каким бы абсурдом это не казалось.

Знаю, что ты ждешь объяснений, длинного рассказа с заходом издалека, как мы умеем, но ничего этого не будет. Ты все поймешь сам. Не стану отбирать у тебя сакраль-

ный момент осознания истины. Впереди тебя ждет что-то очень интересное. Тебе понравится».

Мда... Со мной всегда происходят какие-то судьбоносные или нетривиальные события в это время года, но этот раз переплюнул все, что было раньше, а было не мало. В двадцатых числах октября, конкретнее, двадцать третьего, плюс – минус день, со мной чего только не случилось. В детстве я ломал сначала руку, потом ногу, в два разных года. В этот же злосчастный день мое сердце первый раз разбилось, в юношескую пору. Меня грабили, я проваливался в канализационный люк, выигрывал в лотерею, все самые значимые события происходили в этот промежуток времени. Но, как я уже сказал, в этот раз все круче. Итак, сегодня, двадцать третьего октября, на пороге передо мной, двадцатилетним оболтусом, стоит девушка, передавшая мне письмо, в котором сказано, что она моя дочь. На вид она моя ровесница. Позже выяснится, что она меня еще и старше. Я думал, что привык ко всему. Искренне верил в свой скептицизм, и в то, что меня трудно удивить. Сначала, я решил, что это забавный розыгрыш, устроенный кем-то из моих друзей. Они знали, что в этом году после очередного неудачного романа, я мучился с разбитым сердцем, старательно изображал из себя овощ, а значит, был совершенно не готов к уготованным мне потрясениям. Я просто закрылся дома, и планировал провести эти три дня максимально бесполезно, поедая доширак, ва-

ляясь в кровати, смотря глупое кино и всецело предаваясь унынию в компании эшелона пивных бутылок. Вот и попробуйте представить себе эту картину. Темный коридор, в котором едва горит последняя лампочка. На пороге девушка, одетая уже почти по-зимнему, от ее куртки еще веет безнеговым холодом, безраздельно правящим за окнами теплой квартиры. Напротив я, в пижамных штанах, драной рубашке, наспех накинутой, с проклеывающейся щетиной, явно помятый от того, что спал не пойми где, в черт знает какой позе, нежно попахивающий закоренелым и бесстыдным холостяцтвом, недоуменно пробегающий строки письма, которое уже почти выучил. Перечитал, наверно, уже на восьмой раз. Почерк мой. Я не знаю больше ни одного человека, использующего такие слова, и так рисующего заглавные буквы, а главное – пишущего бумажные письма. Никому даром не надо было бы так детально подделывать мой почерк. Мда. Ситуация тупиковая.

– Может чаю? – выдал я от безысходности. Она явно замерзла, а выставить ее за дверь мне не позволят воспитание и проклятое любопытство.

– Спасибо, было бы чудесно.

– Вы извините за мой вид, я никого не ждал.

– Ничего, так бывает, когда приходишь без приглашения.

Я помог ей снять куртку и проводил до кухни. Усадил на табуретку. Долго вспоминал, как надо ставить чайник. Пакетов не оказалось, пришлось искать заварку. Потом вымыть

две кружки.

– У меня ничего нет к чаю, прошу простить. Есть доширак. Подойдет?

– Не отказалась бы.

– Хорошо... – добрых пятнадцать минут у меня ушло на обеспечение нас чаем и лапшой. Бормотание и решение не самых простых задач в условиях затяжной осенне-холодистой депрессии помогало мне не думать о том, о чем думать не хотелось. Но, вот, все на столе, вилки в руках. Каждый из нас уставился в свою тарелку. Градус неловкого молчания грозит дойти до точки кипения. Надо что-то сказать. Я не из тех, кто будет кричать про глупую шутку, и махать руками. Как минимум, все произошедшее весьма интересно. Даже если это и запоздалый первоапрельский прикол. Хотя, опыт двадцати лет говорит мне об обратном. Ничего более настоящего не бывает в жизни, чем эти дни.

– Это все странно, – начал я.

– Да уж.

– Кто, говорите, дал вам это письмо?

– Моя тетя. Мамина сестра.

– Понятно. А адрес мой вы как узнали?

– Он был указан в моем письме.

– Ваш отец и вам тоже написал письмо?

– Да. Тетя рассказывала мне, что вместе со мной ей «в наследство» достались эти два письма. Одно предназначалось мне, как подарок на двадцатидвухлетие, второе для... вас.

– Нет, если ты мне будешь выкать, это невыносимо. Лучше на «ты», – я замолчал ненадолго, но мысли все равно жевали думаться вслух. – Странно, все это очень странно... Выходит, ты не знала ни матери, ни отца, и тут внезапно эти письма... Оригинально. Подожди, ты, говоришь, это подарок? Значит, у тебя день рождения был недавно?

– Он сегодня...

– О, мой Бог! У тебя день рождения, и в этот день ты приходишь ко мне, обалдую, в полную разруху, где я кормлю тебя бич-лапшой?? Дьявол! Это надо исправить. Как бы странно это не было, у тебя праздник, черт побери!

Я заглянул в холодильник, но кроме повесившейся мыши и пива ничего не нашел.

– Решено! Мы идем в магазин, добывать мамонта на праздничный обед. А по дороге ты мне расскажешь, почему вместо празднования ты идешь искать какого-то сомнительного незнакомца, который, вроде как, должен бы быть твоим отцом.

Так и поступили. По дороге она рассказала мне историю своей жизни. Не особо интересную. Родители погибли, воспитывалась сестрой матери. Работа у тети была связана с разъездами, они часто перебирались с места на место. Сменила школ она больше, чем проучилась классов. Последние четыре года живет в общежитии при университете, учится на какой-то технической специальности, точно я не запомнил. Тетя иногда приезжает ее навестить. На день рождения

в этом году вырваться не смогла, зато прислала эти самые письма. В выходные общага пустеет, и моя названная дочь решила отправиться в путешествие, о котором мечтала всю жизнь. На поиски отца, который вдруг оказался живым. Ни дать, ни взять, мистический квест. Не знаю, что было в ее письме, но вряд ли она сама была готова к такому повороту событий. Спросить ее, о чем она подумала, появившись на моем пороге, мне тогда не пришло в голову. Мы обменяемся впечатлениями, но это случится гораздо позже.

А пока, мы добрались до ближайшего продуктового магазина. Продвигаясь мимо полок, я активно выяснял гастрономические пристрастия новоявленной родственницы. Имя спросить у нее додумался только тогда, когда мы чуть не потерялись. Да... Способность к забыванию самых важных вещей она явно у меня унаследовала. В письме об этом ни слова не было! И сам я, благополучно шокированный произошедшим, не удосужился вспомнить о такой важной мелочи, как знакомство. Мою дочь зовут Аня. Она не любит сыр, и готова продать душу за вкусный карри. Я уговорил ее на мое фирменное блюдо. К чаю приобрели небольшой торт. А так же, по случаю, пачку дорогих чипсов, о которых мы оба, как оказалось, мечтали около недели. Волей – неволей я замечал за ней какие-то мелочи, и в уме считал сходства. Возможно, если так пристально наблюдать за любым человеком, то числа этим мелочам не будет, но когда обращаешь на это внимание, это кажется таким важным, очевидным и значи-

мым. «Вот, я делаю точно так же» или «это у нее от меня». Не то, чтобы я поверил в случившееся. Даже не смотря на все происходящее со мной, я не слишком верю в мистику или что-то подобное. Я даже в научную фантастику не верю, хотя, говорят, разработки машины времени на финишной прямой. Но одно слово «дочь» произнесенное в отношении реального человека, умудрилось каким-то образом сдвинуть мой угол зрения. Я, например, абсолютно безосновательно, надеялся, что она не пьет и не курит. Нет, я не против. Если оно так, то так тому и быть, но... Странное это «но». Даже не всегда понимаешь, что стоит за ним, почему это слово присутствует там, где его быть вроде и не должно. А оно там есть. И чувствует себя вполне на своем месте. И плевать ему, что ты не знаешь, как объяснить его присутствие. Кстати, Аня в исключительных случаях пьет. Сам наливал ей пару раз. И в другие пару случаев был свидетелем, как она курит, да, и сам разделял с ней это занятие.

Но, я отвлекся. Вернемся в тот знаменательный день. Мы много говорили, и пока шли по улице, и пока я готовил, и даже за едой. Разговор давался удивительно легко, как будто и не было никаких странных событий утром и никакие письма из прошлого от будущего меня не перевернули наши жизни с ног на голову. Помимо краткой характеристики предыдущей жизни я немного проникся текущим положением дел. Как она живет, чем дышит. Анка увлекается рисованием, музыкальные наши вкусы не совпадают, но имеют немало то-

чек пересечения, что чертовски приятно. На личном фронте у нее тишь да гладь. Раны от большой безответной любви практически зажили, насколько вообще могут зажить раны от первой любви, а новая на горизонте пока не появилась. Я внимательно слушал, а в глубине души радовался, что мне не надо знакомиться с ее избранником, по крайней мере пока. А еще мою голову посещали странные картинки того, как я буду спускать недостойных кандидатов с лестницы. Не почему, а так просто, для профилактики. По случаю я нашел в шкафу заначку со вкусным чаем, заварил его, и после того, как разлил по кружкам, принял самый серьезный вид.

– Дочь моя! – начал я так пафосно, что сам себя удивил, – тебе сегодня исполняется...

– Двадцать два, – пришла она мне на помощь.

– Двадцать два года. И я рад, что этот благостный день ты встречаешь в моем странном обществе. Еще сегодня утром мы и не подозревали о существовании друг друга, а вечером уже совместно ужинаем. Кстати, я надеюсь, что ужин тебе понравился.

– Да, очень вкусно, – она улыбнулась, и я невольно тоже расплылся.

– Так давай же поднимем эти кружки с чаем за то, чтобы странные дни в твоей жизни оканчивались не менее приятно, чем для меня сегодняшней, – мы картинно чокнулись.

– Спасибо.

– Кстати! – меня поразила очередная запоздалая мысль, –

я же не знаю что тебе подарить!

– Да ничего не надо, сам этот день уже подарок.

– Ну, нет. Так не пойдет. Двадцать два года, как, впрочем, и любое другое количество лет, бывает в жизни только один раз. Я настаиваю на подарке.

Говорят, язык до Киева доведет. Мой мог бы меня завести и в другую галактику. Останавливаться вовремя вообще не мой конек. Сначала выдать, а потом сообразить, что я только что произнес, в этом весь я. Почему мной тогда так овладела жажда устроить Ане настоящий теплый семейный праздник, я так и не понял. И потом, каждый раз после ее визита или разговора с ней я удивлялся тому, что говорил и делал. Не раздумывая, просто совершал что-то, ни секунды не сомневаясь, что можно было поступить как-то иначе. Логика, критическое мышление, скептицизм, все это просыпалось после. Пока я был с ней, я был и собой и не собой одновременно. Какой-то уверенной и решительной копией себя. Человеком дела. Причем, дела для нее. Я точно знал, что сделаю для нее все. И что порву на британский флаг любого, кто захочет ее обидеть.

Моя дочь, а под конец вечера мне уже хочется называть ее именно так, уперлась взглядом в стол, рядом с местом, где я держал кружку. По ее виду я мог уверенно сказать, что есть то, чего бы она хотела, но попросить не решается. Все соображения о том, чего бы она могла желать заканчиваются, даже толком не начавшись. Судя по всему, это дорогой

подарок, любую мелочь она бы попросила не раздумывая. И тут меня словно молнией пронзило. В один момент я точно понял, о чем она думает. Возможно, она просто делала это слишком громко. Мозг молчаливо наблюдал, как я опустил кружку, убрал руку под стол, снял с указательного пальца золотое кольцо, в некотором роде фамильную ценность, и начинал рассказывать историю...

– Знаешь, вероятно, именно такие моменты и называются судьбой. Я уверен в том, что делаю, и именно такое развитие событий кажется мне единственно возможным и уместным. Мой дед умер на следующий год после моего рождения. Не смотря на то, что они с бабушкой были женаты много лет, обручальных колец у них не было. Свадьба проходила в суете и спешке, они оба были молоды, и такая мелочь осталась без внимания. После, и вовсе было не до того. Кольцо бабушка купила себе уже после смерти деда. В знак того, что она будет до смерти ему верна, что он – ее единственная любовь на Земле. Сейчас она сама уже очень стара, и на нее иногда находит настроение раздавать остатки наследства. В одну такую раздачу, пару лет назад, я и попал. Я вообще-то не люблю украшения, и мысль носить кольцо никогда бы в мою голову не пришла, но бабушка почему-то решила отдать его именно мне. Она сказала, что оно широкое и достаточного размера, так что я могу не бояться, что меня посчитают не мужественным. Когда я взял его в руки, оно как будто само попросилось на указательный палец правой руки. Тогда

у меня было такое же ощущение судьбоносности и правильности происходящего. С тех пор я его практически не снимал, очень его полюбил, и даже изредка, в моменты романтических грез поздними ночами, представлял, что подарю его своей невесте. Но, вот, буквально, минуту назад я понял, что должен отдать его тебе. С днем рождения, – я положил кольцо на стол перед обомлевшей дочерью и замолчал.

На полминуты воцарилась тишина. Кажется, никто из нас даже не дышал. Наконец, она осторожно взяла его, и посмотрела на меня глазами, на которых выступили слезы.

– Спасибо... Я несколько раз слышала об этом кольце, тетька Лена вскользь упоминала о нем. Один раз, поддавшись на мои уговоры, она рассказала, что мой отец подарил его моей матери в знак того, что она – его единственная. Что мама бережно и трепетно хранила его, зная, как много оно значит. И что потом, вместе с письмами и мной оно досталось ей. Но вскоре где-то затерялось, среди вещей и переездов, как часто бывает с небольшими вещами, которые не слишком заботят их владельцев...

– Кажется, твоя тетя не отличается сентиментальностью.

– Да, она частенько говорит, что сентиментальной и романтической сестрой была моя мама. Она же, скорее, из практических и свобододлюбивых.

Снова повисла несколько напряженная пауза. Я постарался исправить положение, подложив дочери и себе еще по кусочку торта. Но вернуть беседу в непринужденное русло не

получилось. Когда чай оказался допит, часы показывали восемь. На улице уже стемнело, и всюду горели фонари. Аня засобиравалась обратно в общежитие, и я пошел ее провожать. Заставил забрать торт с собой, чтобы угостить соседок по комнате. Пока мы шли, с неба начал падать первый в этом году снег.

– В снегопадах есть что-то волшебное, – отметил я, заморожено провожая взглядом крупную снежинку, кружащую в рыжем свете фонаря.

– Мистический день не мог закончиться как-то иначе, кроме как по-волшебному, – улыбнулась мне дочь.

– Это смотря какой день, – усмехнулся я, и поведал историю своих классических октябрьских злоключений. Когда еще говорить о странностях, если не в странный день под падающим снегом? Так, незаметно, мы дошли до института. Попрощались, чуть не забыв обменяться номерами телефонов. Дочь взяла с меня обещание, что я отпишусь, когда дойду домой. Я обнял ее, отдал то, что осталось от торта, и смотрел, как она исчезла в тяжелых дверях.

Мой обратный путь занял гораздо больше, чем должен бы, и мне даже пришлось схитрить, отправить Ане смс еще задолго до того, как я оказался дома. Я медленно брел по засыпающему городу, усталый, но почему-то очень легкий, и совершенно счастливый. Голова была пуста, ни одна мысль не гнездилась в ней, почтенно дожидаясь моего возвращения. Снег падал мне на лицо, потому что смотрел я преимун-

щественно вверх, и ловил его на ладони. Без кольца немного непривычно. Каждое движение кистью правой руки говорило о том, что чего-то не хватает, отсутствует привычная жесткость металла вокруг пальца. Но это пройдет. За пару недель я привыкну. Я долго гулял. С детства считал, что длинная прогулка под первым снегом это своеобразная традиция, дань дружбы между мной и таинственной Вселенной. Домой я пришел холодный, замерзший, с промокшими ногами. Ничего после того, как закрыл за собой дверь, я не помню. Ни этой ночи, ни следующего утра. Остается надеяться, что я тогда хотя бы не уснул, не раздеваясь, на коврик в прихожей. Впрочем, даже если так и было, то уже совершенно не важно. После того, как днем твоя жизнь сделала радикальный поворот, уже не столь важно как проводишь ночь. Волею богов следующий день еще был зарезервирован мной под бесцельное существование, и у меня было время на сон, отдых, и окончательный приход в себя. Вечером мне позволила Аня, и мы мило поболтали несколько минут. Незаметно для себя, я принимал все происходящее как есть. Старался думать об этом поменьше, а главное, никому не рассказывать. Люди с их мнениями, которые они обязательно норовят высказать, всегда все только портят.

Перемены

Время шло, а с его ходом можно привыкнуть даже к самым необычным вещам. Я уверен, что даже если в каком-нибудь дворе упадет летающая тарелка, это будет вызывать ажиотаж только поначалу. Потом все местные жители к ней привыкнут, начнут обдирать металл с корпуса для своих нужд, в пазы стыковочных отсеков предприимчивые пенсионеры высадят цветочки, а подростки распишут граффити то, что осталось. С Аней мы быстро стали хорошими друзьями. Пару раз в неделю гуляли или сидели у меня, когда холодно, гоняя чай с печеньем или бутербродами. Она часто показывала мне свои рисунки. Особенно мне нравились драконы. Рисунки сопровождалась длинными мистическими историями о других мирах, где драконы владеют магией и влияют на ход истории. Я старался внимательно слушать, хотя в итоге все равно не улавливал и половины, задавал вопросы, но толком ничего не понимал. Хотя, сам факт таких историй мне нравился. Иногда она показывала мне онлайновские игры, которыми увлекалась. Прямо открывала мне новый мир. Больше всего меня поразила одна игра, не помню ее названия. Там помимо боевой системы была предусмотрена весьма обширная система социальных взаимодействий персонажей. Они могли, например, обниматься. Причем, для разных персонажей отрисовка действий была разная. Забавнее все-

го было видеть, как огромный суровый каменный человек, сажал на плечо маленькую гномку. Она болтала ногами, и гладила его крутой затылок, при этом смотрели они друг на друга с такой нежностью, что даже мой внутренний циник был готов расплакаться от умиления.

Иногда она брала с нами на прогулку своих соседок по комнате, эти две милейшие девушки были ее лучшими подругами. Как я уже говорил, она часто переезжала, что не способствует заведению сильных дружеских связей. А за первый год жизни в одной комнате они здорово сдружились. И теперь принципиально жили вместе. У них сложилось весьма милое трио. Тихоня, заводила и Аня, которая была среди них своеобразной золотой серединой. Всегда тихая Полина, которой гораздо лучше давалось общение с помощью взглядов, нежели с помощью слов. Я, в отличие от дочери, никогда не мог определить идет она с нами гулять потому что сама хочет этого или по принуждению Насти, самой громогласной и легкой на подъем соседки. Именно к ней приходили в голову все сумасшедшие идеи, от которых ее не всегда возможно было отговорить. В опасные предприятия она предпочитала пускаться не одна, а с компанией, и Аня с Полиной были первыми в списке кандидатов. В особо опасных случаях в сопровождение брался я, прикрывать тылы, так сказать. Так мы вчетвером первые два раза ходили в клуб. Правда, я на корню жестоко пресекал попытки познакомиться с девушками, и в итоге, дело кончалось дракой.

Нас выдворяли на улицу. Потом, всю дорогу я рассыпался в извинениях, в знак раскаяния громко декламировал стихи, так, чтобы слышала вся ночная улица, и клялся, что размещу их на остаток ночи в своих апартаментах с максимальным комфортом. Уступал им диван, а сам спал на полу в кухне. После двух раз стало ясно, что со мной такие походы безопасны, но вместе с тем коротки и бессмысленны.

Иногда Аня несколько туманно намекала мне, что я весьма симпатичен обеим ее подругам. Я не особо в это верил, и именно моя твердолобость спасала меня от многих неловких ситуаций. Сама дочь с удовольствием наблюдала за развитием событий, прекрасно понимая, что я не отвечу ни одной из них, хотя, без сомнения, каждая была по-своему хороша, мила и привлекательна. Порой дочь в шутку спрашивала меня, где же ее мама. На что я обычно закатывал глаза и отвечал, что был пьян и нагулял ее. Кто бы тогда знал, что это окажется весьма близко к правде. Но пока я старался не обидеть никого из девушек, не прекращая при этом производить хорошее впечатление. В отличие от них я студентом не был. После школы ни одна сила не смогла заставить меня связаться с очередным учебным заведением на хоть сколько-нибудь долгий срок. Максимум, что я смог – выучиться на радиомонтажника, хотя выучиться, громко сказано. Я закончил курсы длиной в четыре месяца, и устроился на практику в весьма раздолбайское предприятие. Серьезную работу по специальности мне никто не доверял, зато доверили то, что

осталось от некогда большой лаборатории. Зарплата случалась редко, но и ответственного подхода никто не требовал. Я мог сославшись на болезнь исчезнуть на неделю, никаких справок потом никто не спрашивал. Опаздывать и уходить с работы раньше срока считалось вполне допустимой нормой, чем многие и пользовались. Я без малейшего зазрения совести сливал по стограммовому пузырьку чистого спирта с каждой двадцатипятилитровой канистры, тырил реактивы, или просто спал закрывшись в лаборатории. В принципе, меня все устраивало. Ни за что не отвечающий двадцатилетний болван, которому щедрые родители оставили в наследство небольшую квартирку, без каких-то жизненные целей или обязательств. До появления дочери я даже никогда не задумывался нравится ли мне моя жизнь, и хотел ли бы я жить как-то иначе. Я просто прожигал свою молодость, впрочем, не впадая в какие-то опасные крайности. Так и не решился попробовать наркотики, не отдавался беспорядочной половой жизни, не играл в азартные игры. Иногда пил, изредка курил, так и не вошло в привычку это занятие, а в основном бездельничал. Что-то читал, что-то смотрел, что-то слушал. Или просто отдавался потоку мыслей, бесцельно бродя по городу или лежа на спине на диване дома или в лаборатории на работе. Конечно, я не был каким-то феерическим бездельником, совсем уж выделяющимся на фоне остальных. Меня посещали периодически какие-то стремления вроде завести собаку или заработать на машину, переехать в квартиру по-

чище, съездить к морю. Я думал об этом несколько минут, представлял себе, как все будет, но стоило приняться за подсчеты того, что придется сделать для воплощения задуманного, как руки моментально опускались. «Нас и здесь неплохо кормят», – решал я, и продолжал свою жизнь ни о чем. «Жили-были, взяли-сдохли» – грозилась одна из моих пассий написать на нашей общей могиле. В общем, она была права. Именно так все бы и случилось. Но что-то начало меняться во мне. Каким бы лентяем и раздолбаем я ни был, я почему-то стал испытывать непонятной природы желание привести свою жизнь в порядок.

Я сменил место работы, стал быстро учиться тому, что вообще-то уже должен был знать. Через месяц мне повысили разряд, что приятно сказалось на зарплате, которую я теперь получал не по праздникам, а по расписанию. В это трудно поверить, но я стал бегать по утрам. Сначала это происходило непроизвольно. Просто с непривычки я постоянно опаздывал, и вынужден был мчаться до работы на всех парах, а потом мне даже понравилось. Я стал брать заказы на мелкий ремонт от соседей и знакомых, поэтому дома у меня теперь появился небольшой склад всяких запчастей и радиоэлементов. Застать у меня на столе чей-то разобранный компьютер теперь было вполне реально.

И все равно, среди этого порядка мне очень не хватало хаоса. И поэтому я вдвойне любил незапланированные визиты дочери. Порой казалось, что я могу просто вечно смот-

реть, как она, например, пьет чай. Просто смотреть. Замечать за ней какие-то мелочи, и обожать их до безобразия. Например, я улыбался каждый раз, когда замечал, как она, задумавшись, теребит кольцо, крутит в пальцах. Я раньше частенько так делал. Она его повесила на цепочку, и носила на шее, практически не снимая. Что было, кстати, несказанно приятно.

Я помню наш первый совместный новый год. Точнее, его празднование. Тогда подобралась достаточно большая компания практически незнакомых между собой людей. Я пригласил дочь, она взяла с собой соседок, и одного потенциального ухажера, Настя привела с собой еще двух человек, те в последний момент пригласили третьего, подтянулись еще двое моих друзей, один с девушкой. Моя холостяцкая квартира еще не знала такого разгрома. Каждый посчитал своим долгом принести что-то выпить, что в итоге вылилось в приготовление диких коктейлей, состязания кто кого перепьет и прочие не слишком умные развлечения. Не пила только Поля, и я всю ночь коршуном кружил возле нее, контролируя, чтобы никто не вздумал ее опоить. В один момент я все же не уследил, отвлеченный подвыпившей и совсем осмелевшей Настей, и пропустил момент, как кто-то из парней уболтал ее попробовать «совсем не крепкий и очень вкусный напиток». Аня гораздо позже раскрыла мне секрет, что все это именно из-за меня и произошло. Повышенное внимание к Полине вызвало в Насте ревность, и она попыталась рас-

ставить все точки над *i*. Под предлогом помощи в поиске какой-то посуды увела меня на кухню, и чуть не заперла там. Что-то говорила про то, что я слепой дурачок, но это даже мило. В итоге она попыталась меня поцеловать, а я поспешил ретировался, красный от алкоголя, лепеча извинения, нелепые комплименты и заверения в том, что я и правда идиот, а она прекрасная девушка, и найдет себе кого-то гораздо более достойного. Увидев, что Настя уводит меня чуть не под руку, обычно принципиальная Поля решила поддаться на уговоры парня, имени которого я даже не помню. Когда я вернулся, цвет лица у нас с ней был совершенно идентичный. Увидев, как змей искуситель льет ей виски в яблочный сок, попутно пытаясь забраться ручонкой ей на колено, я пришел в бешенство. Несостоявшийся растлитель невинных, ведомый за ухо, принудительно проследовал за мной в коридор, где у нас состоялся короткий разговор. До рукоприкладства дело не дошло, что наверно, к лучшему, он выпил меньше, и имел все шансы заставить мое лицо светиться не только красным но и синим цветом. Больше этот товарищ не приставал ни к кому из девушек, и вообще скоро покинул сумасшедшее празднество. Я выдохнул с облегчением, и вплотную занялся тем, что не давал Аниному ухажеру зажать ее в каком-нибудь темном углу. Смотрите, какой блюстителю нравов выискался! Так что между Полиной и Настей снова повис нейтралитет. В последствии, каждая из них найдет себе человека, с которым будет счастлива. Как, впрочем и я. Только то-

гда никто из нас еще и не подозревал об этом, хотя и сильно надеялся.

К лету дочь стала пропадать. С головой пыталась уйти в учебу, готовилась к госам и писала диплом. Я тогда обзавелся одним постоянным клиентом, у которого регулярно что-то работало не так. Мой путь домой пролегал мимо ее института. Если я возвращался не слишком поздно, то звонил ей, и старался вытащить на хотя бы получасовую прогулку. «Привет, пора проветриться, жду внизу», – говорил я в телефонную трубку, и ждал на крыльце общежития. Она выходила спустя минут десять, иногда ворча, что ей совершенно некогда. Но она точно знала, что я не отстану, и поэтому достаточно быстро перестала спорить. Чтобы задобрить, я угощал ее мороженым, или свежей выпечкой. Так, уплетая что-нибудь вкусное, мы проходили через парк, делали один или два круга и я провожал ее обратно. Это продолжалось до середины лета, пока она, наконец, не защитилась. Отпраздновали это событие посиделками в общаге, куда меня провели тайком от коменданта. Разошлись мы уже после закрытия дверей, и мне пришлось вылезать через балкон второго этажа, где студенты организовали целую систему нелегального прохода. В честь окончания института я подарил Ане красивый альбом для скетчей, с толстой твердой обложкой, чтобы можно было рисовать там, где настигнет вдохновение. Но, не я один сделал ей подарок. Ее тетя пригласила ее в путешествие, она была по делам в Японии, и, зная, что племян-

ница души не чаёт в японской культуре, решила взять её с собой. Стоит ли говорить, что дочь была в восторге, от предложения месяц пожить в стране, куда она так хотела съездить, и согласилась не раздумывая. Тетя по каким-то своим каналам очень быстро сделала все необходимые документы, так что лететь можно было уже через неделю. Я провожал дочь в аэропорт. Тетка должна была встретить её по прилету в Токио. Почти весь месяц от Ани не было никаких вестей. Иногда она выходила на связь, чтобы сказать, что с ней все в порядке, и она жива-здорова. Когда она прилетела, выяснилось, что в своём путешествии она встретила парня, в которого влюбилась чуть не с первого взгляда. Он ответил ей полной взаимностью. За месяц они проехали всю страну, он много чего ей показывал, и я вряд ли преувеличу, если скажу, что это были лучшие в её жизни каникулы. Следующий год я только о нём и слышал. Сначала только хорошее, потом плохое. Они собирались жить вместе, но после того, как он один раз к нам приехал, отношения у них разладились. Пожалуй, если бы они находились рядом, все бы закончилось ещё быстрее. Вся эта драма происходила на моих глазах, и я недоумевал как то, что сначала нравилось со временем становилось невыносимым. Как оказалось, в этом она была похожа на мать.

Но в конце лета она ещё была полна стремления во что бы то ни стало найти работу и накопить денег на следующую поездку в Японию. Правда, тут все складывалось не самым

радужным образом. Началось все с того, что после возвращения ей пришлось быстро искать жилье. Комнату в общежитии надо было освободить. Пришло время Ане, Полине и Насте разъезжаться. Для Насти это проблемой не стало, на последнем курсе она влюбилась, и еще весной практически перестала появляться в общежитии. Так что, сразу после диплома перевезла оставшиеся вещи в квартиру своей второй половинки. Но не всем квартирный вопрос дался просто. Полина хотела уезжать домой, но ей предложила работу одна крупная фирма, и она осталась. С дочерью все было еще труднее. Поиски работы затянулись, а сроки поджимали. Они хотели снимать квартиру вдвоем, но даже на двоих это было достаточно дорого. Ну, и, я был бы не я, если бы не позвал их временно пожить у меня. Моя холостяцкая обитель не была, конечно, подходящим местом для совместного проживания троих человек, но выбора не оставалось. Предвидя несколько месяцев жизни по принципу в тесноте да не в обиде, я обзавелся спальником и циновкой, чтобы спать на полу под кухонным столом было удобнее.

Настал день X. Его я тоже помню отчетливо. Солнечное летнее утро. Было не жарко, чему каждый из нас несказанно радовался. Я настоял на том, что расстояние не велико, и все тяжести унесу сам, без посторонней помощи. Мы спустили все коробки из комнаты на крыльцо, их оказалось не так уж и мало. Вполне приличная кучка. Унести все удалось лишь за шесть рейдов. Происходило все по следующей схеме: По-

ля оставалась смотреть за вещами возле общаги, я брал самую тяжелую коробку, если она была не слишком большая, то еще парочка маленьких докладывалась сверху. Анка подхватывала парочку пакетов, и мы отправлялись в путь. Доходили до дома, оставляли добро в квартире, и возвращались. Аня занимала место зрителя, а Поля шла со мной. Праздношатающиеся дети к третьему рейду уже сбились в стайку и с удовольствием наблюдали за нами, делая ставки, как быстро мы управимся. А закончили мы только ближе к вечеру. Зато сами. Гордые собой и уставшие мы просто повалились на диван, как придется, и минут пятнадцать просто лежали, глядя в потолок. Пока у кого-то не возникла идея хорошенько отпраздновать это дело, новоселье все-таки. Девчонки еле оторвали меня от дивана, я отчаянно сопротивлялся и не хотел никуда идти, обещая им все земные блага, если только они оставят меня в покое. Но они были непреклонны. Мне ничего не оставалось кроме как сдаться, и сопроводить их выбирать праздничный ужин. Они достаточно долго шушукались возле полок с приправами, и я понял, что Анька хочет забаббахать нам карри. Ничего против я не имел, поэтому смиренно предоставил свои руки для транспортировки большого пака Коллы. Потом оказалось, что план я расшифровал неверно. Потому что в магазине кроме газировки мы почти ничего и не купили. Зато завернули в лапшичную по дороге, и заказали там каждому по коробочке. Дома, усевшись на пол посреди нераспечатанных коробок, мы душевно отужи-

нали, передохнули, и приступили к разбору вещей. В тот вечер и ночь, комната пережила второй апокалипсис. Я умудрялся распечатывать именно коробки с каким-то личным содержанием, поэтому быстро бросил это дело, и стал просто отдавать указания, что и куда лучше разместить, прихлебывая темную жижицу из стакана, в котором только чудом не плавала пыль и обрывки скотча. Анька ворчала на меня, потому что я жил, по ее утверждению, в берлоге, впрочем, с этим утверждением трудно было спорить. Она все грозилась навести здесь уют и порядок, и всячески склоняла Полину к проведению генеральной уборки прямо завтра. Та, в свою очередь, энтузиазма не проявляла, но и открыто возражать не стремилась. Где-то к рассвету мы закончили. Вещи, которые долго не пригодятся, были компактно размещены в две коробки, которые я унес в кладовку, остальное нашло свое временное пристанище на полках шкафа, в ящиках стола, на стеллаже и подоконнике. После сбора мусора и пустых коробок и бутылок, все выглядело вполне прилично. Но Аня все равно пообещала в ближайшее время навести здесь шмон.

– Ну, что, может быть спать пойдем? – задала дочь риторический вопрос.

– Не-а, – весело ответил ей я. – Уже четыре часа утра, мне в шесть на работу вставать. Уже смысла нет. Пошли купаться? Мне где-то ваши купальники попадались. На пруду красиво очень по утрам.

– Холодно же, – послышался тихий голос Поли.

– Это далеко не самая светлая твоя идея. Однозначно, – подтвердила дочь.

– Ну, и зря. Очень бодрит. Явно то, что мне сейчас нужно. Что ж, схожу один. А вы тогда давайте спать. Пока я собирал в рюкзак вещи, чтобы переодеться и сразу отправиться на работу, они разложили диван и устроились спать.

– Сладких снов, – сказал я, задергивая штору.

– Доброго утра, – отозвался кто-то из них усталым голосом.

Я закрыл дверь и устроил себе пробежку до пруда. Диск солнца уже немного поднялся над гладью воды. Утренняя тишина была прекрасна. Раньше в такую рань здесь сидела бы парочка другая рыбаков, но рыба поизвелась, и они перестали пытаться здесь счастья. Здесь и купаться-то осмеливался далеко не каждый, даже в самую жару люди предпочитали загорать или просто лежать в тени деревьев, заходили в воду только самые отчаянные. Я был из их числа. Достаточно безумный, чтобы верить в собственную неуязвимость. Пустая полоса песчаного пляжа привела меня в дикий восторг, вероятно, виной тому бессонная ночь. Я прямо на бегу скинул рюкзак, и раздевался, стараясь не останавливаться, раскидывая вещи куда попало. Рюкзак остался под деревом, кеды с носками разлетелись в стороны от него, футболка спланировала на песок, а джинсы остались уже на деревянном помосте, который раньше был пристанью яхт-клуба, разорившегося еще много лет назад. Высоко подпрыгнув и сделав

кувырок в воздухе, я погрузился в прохладную темную воду. Пруд не отличался глубиной, и я быстро уперся ногами в песчаное дно. Оттолкнулся и помог воде вытолкнуть меня на поверхность. Проплыв до другого берега и обратно, я вышел и сел на травянистый островок, обняв колени. Что-то прекрасное было в этом утре. Что-то незабываемое. Я чувствовал себя на своем месте. Ровно там, где и должен был быть. Идиллия, впрочем, продлилась недолго. Я быстро замерз, и отправился собирать разбросанные вещи. Достал из рюкзака полотенце, вытерся, потом оделся. Потом посмотрел на часы. Времени оставалось как раз на то, чтобы не спеша дойти до работы. Чем я и занялся. Совершенно умиротворенный я шел и улыбался редким прохожим.

После работы один из клиентов попросил меня зайти, чтобы устранить пустяковую проблемку, так что домой я попал только в девятом часу. Вошел, и не узнал свою квартиру. Анна, будучи девушкой ответственной, свое намерение добросовестно исполнила. Мое прежнее обиталище едва угадывалось в этом приличном помещении. Все было вымыто, понятия не имею, как Аня уговорила Полину ей помочь, но, привыкший к полумраку своего жилища, я чуть не ослеп. Дочь нашла в кладовке лампочки, и поменяла все перегоревшее, коих было гораздо больше половины. Но вместо того, чтобы освещать темные углы, украшенные пылью, свет лился во все стороны чистой квартиры. Они даже окна помыли, и шторы постирали. Самым же удивительным и приятным

был запах. Пахло вкусной домашней едой. Вот и настал тот день, когда по приходу с внеочередной рабочей смены меня ждало классическое семейное счастье. Я не то, чтобы когда-то мечтал об этом, но сразу проникся всем кайфом ситуации. За ужином выяснилось, что расплата за все это великолепие меня неизбежно настигнет. И состоять будет в том, что с завтрашнего дня к моим профессиям прибавится плотник. Мне надо будет сделать полки, потому что часть вещей негде разместить. Благо, инженерный план Аня взяла на себя. Он, в общем, был уже практически готов. Так началась наша совместная жизнь. Продлилась, впрочем, она не долго, до начала нового года. Но я вспоминаю это время как одно из самых счастливых в своей жизни. Первый месяц мы втроем совершенствовали наше жильё. Полки появились в комнате и на кухне, так что я туда практически переехал. Весь необходимый повседневный минимум был под рукой, так что, как человеку, встававшему раньше всех, мне не приходилось никого будить, пытаясь тихо собраться на работу. Под столом мы спроектировали специальный ящик, куда аккуратно входило мое спальное место в собранном состоянии. После двух недель мне так понравилось спать на полу, что я и после того, как мы разъехались, продолжал это делать. В комнате, где обитали мои соседки, мы совместными усилиями собрали шкаф, занимавший мало места и в то же время вмещавший очень много. В общем, из одной холостяцкой берлоги вышло целых три отдельных зоны, в которых каж-

дый из нас обрел свой угол. Когда улучшать стало нечего, вечерами мы стали играть по сети или в карты, смотреть кино или ходить гулять. В общем, то, что я считал неслабым испытанием, обернулось приятным времяпрепровождением. Мы отлично сжились. Где-то ко дню своего рождения Аня устроилась на постоянную работу, и все потекло стабильно и даже несколько скучно. Я так замотался, что даже забыл о своей ежегодной встряске. Но судьба не подвела.

Хиро

Накануне дня рождения дочери, как раз в тот момент, когда я уже устал ломать голову над подарком, мне позвонил Анин заокеанский возлюбленный и попросил помощи. Мне надо было встретить его в аэропорту и доставить к нам домой, как раз к началу празднования. А помимо этого оплатить ему обратную дорогу, потому что ему хватало только на один билет. Я ухмыльнулся и подумал, что надо тогда купить красной ленты и повязать на него бант. Чего не сделаешь ради дочери? Пришлось записать рейс, время прилета и быстро придумывать, как все организовать. Первым делом я купил ему обратный билет, на утро двадцать четвертого, потому что хотел быть уверен, что он не останется у нас надолго. Нас и так в квартире трое, а отдавать ему Полино место я был не намерен. Одну ночь в честь праздника мы, конечно, потерпим. А дальше – извините. Все что угодно, но на отдельной жилплощади. Я, в принципе, относился к этому парню достаточно подозрительно. Он мне сразу заочно не нравился, не могу объяснить почему. Может быть потому, что посягал на мою дочь. Но она была без ума от этого японца, так что мне ничего не оставалось, как смириться, и иногда даже являть свое лицо в видео чат, чтобы дочь могла показать, какой я классный. Они почти всегда говорили на японском, дочь учила его в школе, плюс носитель языка по-

мог ей быстро подтянуться. Иногда переходили на английский или язык жестов, если требовалось объяснить что-то экстраординарное. Я неплохо знал английский, но мне было чертовски непривычно его произношение, поэтому я не понимал и половины из всего, что он говорил. Догадываться о смысле сказанного приходилось зачастую интуитивно, но, как правило, я успешно с этим справлялся. Завтра мне предстояло как-то говорить с ним без дочери. «Ничего, прорвемся» – решил я, и отправился посвящать Полину в коварный план. Ей придется прикрыть меня завтра, и взять часть моих праздничных обязанностей на себя.

После недолгих обсуждений все было решено. Полина не сопротивлялась, и я пообещал, что постараюсь все успеть до того, как поеду встречать нашего гостя, а по совместительству главный подарок. В мою задачу входила доставка продуктов до холодильника, открытие банок и прочие подсобные кухонные работы. Кроме нас троих на торжество была приглашена Настя «плюс один», и еще одна пара, Анины друзья со старшего курса. Начало в шесть. Что ж, все успеть вполне возможно. Самолет из Японии приземлится в четыре. Как раз хватит на то, чтобы привезти его к нам, даже с запасом. В субботу пробок быть не должно.

Утром я попросил друга одолжить мне его машину, привез из магазина все по заранее согласованному списку, и даже не забыл купить цветов, день рождения дочери, как-никак. Пообещал, что подарок и полноценные поздравления

будут вечером и исправно помогал девчонкам на кухне. В процессе набился привезти всех наших гостей, раз уж взял машину на целый день, обеспечив себе таким образом идеальное прикрытие. В полтретьего я сорвался, объясняя это тем, что лучше оставить себе времени с запасом. Рейс сел точно по расписанию. Это не могло не радовать. Я увидел Хиро, когда тот забирал свой рюкзак с ленты транспортера. Высокий, тощий, он не произвел на меня хорошего впечатления. Ладно, хоть, патлы у него короткие. Мы пожали друг другу руки, достаточно крепко, чтобы понять, что оба не в восторге от такого знакомства. Пока ехали обратно, он внимательно наблюдал за мной, а потом спросил:

– Тебе ведь нравится Аня?

– В смысле? – я слегка опешил. Никто не задавал мне таких вопросов уже довольно давно.

– Я тебе не нравлюсь потому, что тебе нравится Аня, – попытался пояснить Хиро.

– Нет! Фу! Как ты мог подумать! Она же моя д... – я чуть не сказал глупость, но успел в последний момент прикусить язык, – она мне как сестра, – произнес я то, что обычно мы говорили в подобных ситуациях.

– Она точно так же отвечает на этот вопрос, и точно так же запинается, – он усмехнулся. – Вы похожи.

Хвала богам, больше он ни о чем не спрашивал. В молчании мы забрали сначала одну, потом вторую пару. Хиро, как самый легкий, поехал лежа на коленях у сидящих сзади.

– Ребята, этот кадр – Анин заморский принц, – объяснил я, – и ваша задача – отвлечь ее, чтобы я смог незаметно провести его в квартиру.

С этим они прекрасно справились. Ввалились толпой на кухню, заставляя именинницу всех со всеми знакомить, и составлять в очередь всех кандидатов подергать ее за уши. Полина свою задачу тоже отлично выполнила, она тихонько выскользнула из кухни посреди всей этой суматохи, и помогла мне в прямом смысле упаковать несчастного парня. Он пытался сопротивляться, но я говорил ему, что так надо, а если он против, то может идти ночевать на улице. В итоге мы все-таки замотали Хиро красной лентой и оставили стоять посреди комнаты. Когда мы вернулись на кухню, Аня уже что-то заподозрила.

– Анька! Мы с тобой знакомы ровно год, что невыразимо здорово. Сегодня тут собрались люди, которые очень тебя любят, а потому помогли мне повернуть одно дельце, результатами которого, я уверен, ты останешься довольна. Открывай дверь, твой подарок за ней.

Когда она вошла в комнату и включила свет, замерли все. После нескольких секунд молчания я услышал от обычно культурной и вежливой дочери весьма забористое ругательство, (интересный словесный оборот, я даже решил, что стоит его записать), а потом она кинулась обнимать эту праздничную мумию. Мы все решили, что их стоит ненадолго оставить наедине, и вернулись на кухню. Только тут я хоро-

шенько разглядел присутствующих. Кроме Насти всех, кого привез, я видел в первый раз.

– Так, ребят, давайте для меня знакомство на бис, у меня плохо с запоминанием имен.

– Мария и Александр, – показала Настя на весьма колоритную пару. Высокого бородатого парня и миниатюрную девушку. С Александром были символично пожаты руки.

– А это Таня...

Вот тут я испытал неловкость, уже протянув руку. Я подумал, что это парень, причем весьма юный. Еще удивился, чего Настя какого-то мальчика выбрала.

– Ага, Таня, круто, – делать было нечего, рука протянута, идиотская физиономия настроена. Впрочем, она, кажется, не обиделась.

– А мне тогда руку пожать? – запротестовала Маша.

– Конечно, прошу прощения, – я улыбнулся, и с этим последним рукопожатием конфликт был исчерпан.

Я расспросил Полину о том, что еще надо было доделать, и рассадив гостей вокруг стола выдал каждому по заданию. Трудовую идиллию прервали вошедшие Аня с уже распутанным Хиро.

– Вот так к нам в гости ходить. В комнате связанные иностранцы, на кухне подпольный цех по нарезке салатиков с использованием рабского труда.

Все посмеялись, Анюта взяла командование на себя, и мы с Александром понесли стол в комнату, следом за на-

ми остальные несли посуду, столовые приборы и еду. Когда все было расставлено, и все наконец уселись, Хиро достал из рюкзака бутылку, объясняя, что это обязательная к распитию настойка, которую гнала его бабушка. По крайней мере, я понял все именно так. Налили даже Поле, не смотря на все протесты. Я лично уговорил ее на половину рюмки, и ничуть не больше. Саке, или как бы ни называлась эта жидкость, было неплохо на вкус, и не ударило в голову, позволяя постепенно и не сильно захмелеть. Нас было много, и напиться шансов не было никаких. Всем кроме Полины досталось по две стопки, на этом бутылка иссякла. Приятно расслабленные мы вели какой-то странный философский диалог на трех языках одновременно, внезапно переключаясь с одного на другой. Все бы ничего, но тема зашла о любви, и на меня накатила необъяснимая тоска. Каждый из присутствующих смотрел на свою половину, не беря в расчет непарных меня и Полину. Мы оба внимательно изучали содержимое своих тарелок и узор на вилках. Меня спас телефонный звонок, друг пришел за своей машиной, и я вышел, чтобы отдать ему ключи. Чтобы как-то избавиться от накотившего ощущения, обратно я вернулся не сразу, а зашел на кухню, открыл настежь окно, и посмотрел в октябрьский темный вечер. Сразу повеяло холодом, что я даже вздрогнул. Мой взгляд уперся в уличный фонарь. Мне тогда показалось, что мы с ним очень похожи. Интересное последствие распития японской бражки. Впервые за долгое время я машинально потянулся

к кольцу, которого на мне уже год как не было. Раньше я бы погладил его, и пообещал, что-нибудь вроде «мы обязательно найдем Ее». Почему-то именно в такие моменты отчаянней всего хочется верить в то, что где-то там и для тебя горит теплый свет посреди холода и темноты.

– Чего грустишь? – донесся до меня голос дочери.

– А, это от того, что выпил, наверно, – я неловко улыбнулся.

– Да, говорят, бывает такое с непривычки к этому напитку.

– А ты чего здесь?

– За тобой вышла, чего, думаю, ты там один? Наверняка, загрустил.

Мы обнялись и просто так стояли с минуту у открытого окна. Я подумал, что хорошо, что я не фонарь. С фонарем вряд ли кто-то станет обниматься.

– Ну, ладно, пойдем. Нехорошо отбирать у гостей именинницу так надолго. – Я закрыл окно, и мы вернулись.

Дальше пошло веселее, все отдали подарки, чего-то пожелали. Хиро научил нас японской версии игры в мафию, причем на объяснение правил ушло больше времени, чем на саму игру. Но это нормальная практика в столь разношерстных компаниях. К полуночи все стали расходиться. Наши парные гости уехали по домам, Хиро помог мне унести стол обратно на кухню, Поля и Аня унесли тарелки. Анка выгнала нас с кухни, оставив там только своего японца, и принялась мыть

посуду, что-то ему рассказывая. Глядя, как Поля трет глазки, точно маленький ребенок, я предложил разложить диван и улечься, а эти двое найдут куда втиснуться, если решат поспать. Я предупредил Хиро, что у него утром рейс, и пропустить его нельзя, поэтому рассчитывал, что они не расстанутся до утра. Еще я все же надеялся, что они будут просто разговаривать. И пока за шумом воды действительно слышался размеренный разговор на языке, которого я не знал.

Пока я выходил чистить зубы, Полина заняла свое спальное место. Я вернулся и заметил, что она спит с маленькой мягкой игрушкой, Винни Пухом. Этого медвежонка я настрелял однажды в тире, в одну из наших старых прогулок вчетвером. Я тогда выиграл три маленьких приза. Но Аня с Настей выбрали вместо игрушек шоколад. Я и представить не мог, что она с ним спит. От этого факта мне сразу стало не по себе. Как будто это меня к чему-то обязывало. Я думал, что бы можно сказать, и стоит ли, Поля, наверняка, уже уснула.

– Ты спишь? – она заговорила первая.

– Нет, на медведя твоего смотрю.

– А, Винни. Мне с ним лучше спится.

– Здорово.

– Ага, спасибо, что выиграл его тогда.

– Да, пожалуйста. Это из-за него Настя решила, что я тебе нравлюсь?

– Не знаю, наверно.

– Хорошо, что она нашла своего человека. Мне, конечно, приятно осознавать, что я нравлюсь девушкам, но как-то это все странно было.

– Знаешь, я думаю, что это неправильно, когда один человек другому нравится, а взаимной симпатии нет.

– Да уж, что-то неправильное есть в этом, ты права. Тебе надо было с Хиро поговорить об этом, он же про любовь начал, может и чего бы ценное присоветовал.

– Он и посоветовал.

– И что же он сказал?

– Поговорить с тобой.

– Ну, вот, мы говорим. Что, кстати, удивительно. На моей памяти это самый длинный наш разговор. Обычно я не могу из тебя и пары фраз вытянуть. Максимум моих достижений это то, что ты смеешься над моими шутками.

Она ничего не ответила, только усмехнулась. Я не столько услышал, сколько догадался.

– Поль, ты мне нравишься, ты классная, сама даже не можешь представить насколько. Но, знаешь, по-моему, неправильно, быть с кем-то, если знаешь, что это не навсегда, что это не тот самый. Ты ведь осознаешь, что я явно не тот.

– Это точно. Тот самый бы такого не сказал.

– Вот видишь. Когда мы праздновали новый год, я сказал Насте, что она найдет кого-то лучше меня, и сегодня мы в этом убедились. Так что, и тебе кто-то встретится, я уверен.

– Спи уже, может к тебе во сне твоя единственная придет.

Спокойной ночи.

– Сладких снов.

Так мы и уснули под шум воды и негромкий разговор за стеной. Я спал чутко, на грани пробуждения, и скорее грезил, чем смотрел сны. И, кажется, старательно исполнял Полинино пожелание. Только видел все размыто, как в рендере. Но девушка там точно присутствовала. Такая же манящая, как свет вчерашнего фонаря. Я попытался идти за ней, но она все время ускользала. Я открыл глаза с чувством незавершенности, как будто если бы соскочил с постели и побежал на улицу, то обязательно бы ее там увидел. Вместо этого я встал и тихо вышел на кухню. Хиро там что-то колдовал над туркой, Аня, сидя за столом, старалась удержать падающую голову.

– Доброе утро!

– Доброе, – отозвались оба синхронно.

Я достал три маленьких чашки и занял выжидательную позицию. Вскоре, кофе был готов и разлит. Получилось очень вкусно. Я пил не морщась, хотя обычно меня не заставить пить кофе без молока. Аню волшебный напиток заставил открыть глаза. На одном Хиро бессонная ночь никак не отразилась.

– Как посидели? – поинтересовался я.

– Хорошо. Мы решили, что в следующий раз я к нему поеду, – ответила дочь.

– Ладно. Смотри мне! – Я в шутку погрозил японцу паль-

цем, – я закажу такси, собирайтесь потихоньку, – с этими словами я отправился в ванную приводить себя в божеский вид. Вышло это не сразу. Не смотря на то, что выпил накануне я не много, и даже поспал несколько часов, белки глаз имели вишневый оттенок. Умывание холодной водой сделало меня больше похожим на человека. Я решил, что для начала этого хватит и пошел будить Полину. Даже если она не поедет в аэропорт, что-нибудь все равно заставит ее проснуться. После исполнения своего черного дела я озабочился завтраком. Остатки вчерашнего пиршества были найдены и разогреты, сварена новая партия кофе. Пока мы завтракали, подъехало такси. Дочь уговорила нас не дергаться и оставаться дома, заверила, что справится. Хиро обнял Полю, они о чем-то коротко перешептались, потом пожал мне руку, мы обменялись взглядами, в которых добавилось взаимного уважения. Они уехали.

Вскоре после этого, не без помощи тети, Аня нашла квартиру побольше, где у нее и у Полины было по комнате, а арендная плата оказалась удивительно низкой. Справив, чуть не семейный новый год, в этот раз к нам никто не присоединился, мы осуществили новый переезд. Мне было жаль с ними расставаться. К хорошему удивительно быстро привыкаешь. Впрочем, отвык я тоже достаточно скоро. Все же, я очень долго жил один, и старые привычки вернулись на свои места, не заставив себя ждать.

Просвет

Я, конечно, давно принял происходящее. Но по-настоящему поверил в него только теперь. Этот вечер не обещал ничего необычного. Дочь позвонила мне вечером, по пути с работы. Промозглая слякоть все никак не сдававшейся зимы действовала всем на нервы. Бывает весной такая неделя, когда идет то снег, то дождь, и ветер не дает снять шарф или шапку. Потепление уже виднеется за поворотом, но до него так трудно дотерпеть. Мы с дочерью не стали исключением. Работа начала пить кровь, личная жизнь мотала нервы, погода ставила крест на оптимизме.

– Ну, как ты?

– Да никак. Настроения нет, все бесит.

– Во, та же фигня. Ты с работы?

– Ага.

– Отлично, я уже почти дома, давай, заходи ко мне, все расскажешь.

– Ладно, в магазин зайти?

– Ага, было бы круто. Купи лимон, пожалуйста. И к чаю, чего хочешь.

Пока я заходил домой, раздевался и ставил чайник, Аня уже звонила в домофон. Пришлось накинуть домашнюю рубаху как первое, что попало под руку. Полминуты, и, вот она снова стояла у меня на пороге, ровно в том виде, в кото-

ром я увидел ее в первый раз. Укутанная шарфом, замерзшая.

– Проходи, чего как в гостях? – я помог ей снять куртку и повесил ее в шкаф, – замерзла?

– Угу.

– Давай, руки мой под горячей водой, отогреть тебя будем.

Я снял с батареи теплые носки, как раз припасенные на такой случай. Правда, надевать их на нее пришлось практически насильно. Хотя бы вручению кружки горячего чая дочь не сопротивлялась.

– Ну, рассказывай, чего у тебя?

– Как обычно все, через самое непотребное место. Ребята на работе запарили, то не так сидишь, то не так свистишь. Тот парень, про которого я тебе рассказывала, что в кино меня звал, вроде нормальный был, адекватный, сейчас как с цепи сорвался. Слова ему не скажи – все не так.

– Он, по ходу, тебя ревнует. Ты же ему рассказала про Хиро.

– Хиро тоже уже вымораживает. Крыша у него протекает, по любому поводу мне мозг выносит, истерит, что я с ним времени проводить стала мало. Из-за любого пустяка ругаемся.

– Засада, однако.

– Да не говори. Вчера ноги промочила, пришла с работы, залезла в ванну, ему не сказала, он давай орать, что я на сви-

данку с кем-то с работы ходила.

– Блин, что-то его, и, правда, клинит.

– Запарил. Лучше скажи, у тебя чего?

– Начальница наседает, давай, мол, бери дополнительные смены, живи на работе, у тебя ж семьи нет, что тебе еще делать? А я не хочу больше, мне все уже до чертей надое-ло. Весна еще эта, все никак не разродится. Подцепил на-сморг, представляешь, первый раз за три года, – я показате-льно шмыгнул носом, – в общем, настроения нет совсем. Как-то все безрадостно.

– Во-во. Непонятно, то ли тает, то ли замедляет.

Пока она рассказывала очередную невеселую историю из хроники минувшей недели, я смотрел на нее, понимая, что здесь нужно что-то покрепче. Принес две рюмки, достал из тайника бутылку. Разлил. Выпили. Закусывали по-студен-чески. Сосисками с какими-то соленьями из банки, прятав-шейся в холодильнике n-ное количество лет.

– Так. Ты не переживай. Ну, его к черту, этого Хиро. Не знаю, какая муха его укусила, успокоится. А если нет, то на кой тебе истеричка?

– Правильно, чхать на него, все нервы измотал, – она уста-вилась в стол точно так же, как в первый вечер.

– Знаешь, что я подумал?

– Что?

– Мне второй раз за сегодня вспомнилось наше знаком-ство.

– Это почему?

– Ну, когда я тебя увидел на пороге в этой самой куртке, и шарфом ты заматываешься как ассасин. И сейчас, вот. Взгляд такой же. Потерянный слегка.

– А вот, колись, о чем ты тогда подумал, когда прочитал письмо?

– Сначала, я подумал, что это странный розыгрыш, – честно признался я, – да и что тут еще первое могло в голову прийти? Но эта версия рассыпалась сразу. Письмо явно было написано моим почерком. Уж что-что, а свои корявые буквы я всегда узнаю. Плюс, такое бы не пришло в голову никому из моих друзей, а уж все подстраивать, готовить, договариваться с кем-то, это вообще не в их стиле. А потом я просто уговорил сам себя, что не буду заниматься логическим анализом, потому что ситуация требует действий, а не размышления. Дальнейшие события тебе известны, – я улыбнулся. – А после, я как-то и не думал об этом. В конце концов, ты появилась на моем пороге не беспомощным младенцем, а совершеннолетним сложившимся человеком, а значит каких-то радикальных перемен это не сулило. – Боги! Кто бы знал, как я тогда заблуждался!

– А теперь попробуй представить мое удивление, когда я иду искать отца, предполагая его никак не меньше, чем сорокалетним мужиком, может быть даже стариком, ну, мало ли, как бывает. Я готова была увидеть что угодно, ведь должна была быть причина скрываться столько лет, кроме того,

что я увидела. Дверь мне открыл молодой парень, мой ровесник! Да еще в каком колоритном виде! – Тут мы оба посмеялись, – пока ты читал свое письмо, я просто пыталась уложить в голове это событие. В письме было сказано, что меня ждет сильное потрясение, но масштаб катастрофы я и представить себе не могла!

– Ты только что назвала отца катастрофой! – я наигранно насупил брови.

– Не дуйся, я же любя. А потом, ты прав, что-то делать, о чем-то говорить, было проще, чем оставаться с мыслями один на один.

После этих слов как раз и повисла пауза, вынуждающая именно к этому. Легко мотнув головой, а у дочери был именно такой способ сбросить мысли, она спросила:

– А теперь, ты что думаешь?

– Анька, ты – моя дочь. Я это, вроде как, знаю. Потому что ни к кому другому я так не отношусь, как к тебе. А к тебе я отношусь именно как к дочери. Хочешь, ДНК-тест сделаем? – я хохотнул.

Мы еще много о чем говорили. Про цикличность погоды и наших успехов и провалов, про первую любовь, а главное про то, где же я все-таки мог встретить ее маму, и как это вообще произошло, или правильнее сказать произойдет. Сумерки давно сменились темнотой, фонари успели зажечься и погаснуть. Я предложил ей остаться, что было бы логично, но дочь заупрямилась. Она была категорически против. Хо-

тя, причины мне так и остались неясны. Никакие аргументы и уговоры не действовали. Она готова была идти пешком, лишь бы ночевать сегодня у себя. Словесное противостояние постепенно переросло в физическое. Она пыталась одеться и выйти в коридор, я – удержать ее. Боролись мы минут пятнадцать. Я, конечно, был сильнее, но применять к ней всю силу не собирался, а ее упрямство меня просто восхищало. В какой-то момент, я просто оторвал ее от пола, и попытался унести в комнату, на диван, но она уперлась руками в дверной проем, и не давала мне пройти. И где-то посередине этого красочного безмолвного действия меня словно током поразило. В одно мгновение я почувствовал Ее. Анину мать. Электрический разряд воспоминания моментально пронесся по моему телу. Я без всяких тестов со всей ясностью осознал, что девушка, которую я держу на руках, уже не пытаюсь к чему-то принудить, моя биологическая дочь. Кровь от крови меня и той женщины, которую я безумно любил. И, как оказалось, еще только полюблю. За короткие миллисекунды я понял то, на выражение чего может уйти не одна вечность. Вся суть этой любви, этой странной истории, заключилась в этом импульсе. Трудно передать словами мои ощущения. Чувство и знание переплелись и сплелись в одну титаническую уверенность в том, что на свете есть моя единственная, что я безошибочно вычислю ее среди всего населения Земли, в монументальное спокойствие, смирение, покорность, благодарность. Как будто я узнал некую абсолют-

ную истину, тайну мироздания, или просто Бог решил поцеловать меня на ночь.

Мозг, чтобы не взорваться от кажущейся нелогичности способа получения информации решил заняться тривиальными задачами и придумал произошедшему название: просвет. Он выцепил это слово откуда-то из глубоких недр памяти. Мне показалось, что оно вполне подходит.

Я больше не сопротивлялся уходу дочери. Только дал ей денег на такси, и смотрел в окно, как она садится в машину и уезжает. В голове проносились мысли о том, что она очень похожа на свою мать. Та не менее упряма, и если твердо что-то решила, ничего уже не собьет ее с выбранного пути. Потом я буду видеть дочь в матери, и это каждый раз будет вызывать у меня на лице теплую и чуть печальную улыбку. Они, и, правда, очень похожи. Я всю жизнь старался не жалеть ни о чем. Но мне действительно жаль того, что мне не выпало наблюдать их сходства, когда они рядом, и растворяться в счастье от любви к ним обеим.

Тетя

Из рассказов дочери, я понял, что она души не чает в воспитавшей ее тетке. Та представляла прекрасной со всех сторон. Ну, просто идеал. Тетя была хороша собой, занималась любимым делом, экспериментальной наукой на грани философии и квантовой физики, которая приносила отличный доход. Она исколесила весь мир, и не представляла себе никакой оседлой жизни. Мужа у нее не было, про ее личную жизнь Аня вообще ничего не знала. Даже, если кто-то и был, в эти дела племянница не посвящалась, да она и сама не спрашивала. Кроме любви, которая замалчивалась и негласно стала запретной темой, они могли поговорить обо всем, и были помимо родственных уз весьма близкими подругами. Они могли по несколько часов болтать в видео чате. Тетка помогала ей, чем могла, дарила подарки, в общем, баловала. Пока Аня не поступила в университет, они много ездили вместе. Можно даже сказать, что большему она научилась от тети и ее коллег, чем в школе. За год знакомства с Аней, я много слышал о ней, но ни разу не видел. А более того, совершенно не знал, хочу ли я с ней познакомиться. Ведь она должна была меня знать. А значит, в ее руках был ключ к разгадке всей этой запутанной истории. Она могла бы рассказать, что произошло с Анкиной мамой, и при каких обстоятельствах мы познакомились, а главное она могла

разрушить всю эту тайну, сказав, что в письмах бред, и мы с Аней друг другу никто. Может быть, именно поэтому я стал единственным секретом дочери от воспитавшей ее тети. В рассказах я проходил как «хороший друг Костя», подробности нашего знакомства опускались. Но, все тайное когда-нибудь становится явным.

Что-то неладное творилось со мной весь день. Безумно хотелось спать, голова отказывалась соображать. Я доплелся до кровати, и занял горизонт, впав в полу-адекватное состояние. Я не спал, но мысли думали себя как будто сами, без моего участия. Как назло, телефон брякал чуть не каждые пятнадцать минут, не давая толком отключиться. Реальность тянула ко мне свои холодные руки, но не могла достать. Что-то внутри меня хотело поднять мою тушу навстречу ей, но не справлялось. Я чувствовал себя мешком с картошкой, который кто-то очень маленький и слабый, но весьма настырный пытался куда-то утащить. Усилий с разных сторон было приложено немало, но все равно недостаточно для результата.

Я вздрогнул от телефонного звонка. Настойчивые виброволны и громкая непрекращающаяся мелодия заставили меня обшарить рукой все пространство вокруг и найти злобного нарушителя спокойствия.

– Да?

– Привет! – жизнерадостный голос дочери стал тем самым пинком, который заставил шестеренки в голове зашевелиться, правда, с жутким скрипом.

– Да, доброго дня тебе, или вечера, или утра. Что там сейчас?

– Скорее вечер. Ты спал что ли?

– Пытался.

– Извини, что разбудила.

– Ну, что уж теперь?

– А у меня хорошие новости.

– Внимаю.

– Через неделю в наши края приезжает по делам моя тетя, вместе со всей их лабораторией. У них тут конференция, и еще какие-то мероприятия. Она обещала пропуск нам обоим. Я вас наконец-то познакомлю! – я слышал искреннюю радость и восторг в ее голосе.

– Здорово, обязательно познакомимся. Когда говоришь, они приезжают?

– Пятого июня, в понедельник.

– Может, ее встретить надо?

– Не, – она так растягивает е, как будто я предложил спастись от цунами зонтиком для коктейлей, – им обеспечена и встреча и расселение, мы там будем только мешаться. Я встречусь с ней вечером после прилета, а ты просто приходи на это мероприятие.

– Как-то это сложно, и, по-моему, не очень логично, но в любом случае, все будет, как скажешь.

– Вот за это я тебя и люблю! Ладно, отдыхай дальше, я потом напишу, что и где будет. Хорошего вечера!

– Спасибо, и тебе.

Я кладу трубку и спускаю ноги с кровати. Надо поесть и сделать хоть что-то полезное за день. Иначе он совсем зря пройдет. Впереди замаячили какие-то неясные перспективы, и меня не покидало предчувствие больших перемен. Что-то должно было радикально измениться от этого знакомства. Меня охватила тихая паника, какая бывает перед первым свиданием. Хотя, что за бред? Какое свидание? Это же сестра моей будущей возлюбленной. Ах да, в этом и состоит проблема. Готов спорить на что угодно, что я ей изначально не нравился, и она считает меня виновным в гибели сестры, и, вообще, по-любому не обрадуется тому, что я жив, да еще и... Молод? Блин... Странная ситуация. Я не имел ни малейшего понятия, какой информацией она располагает. Надо бы дочь об этом спросить. Что я и сделал при следующей нашей встрече, когда она принесла мне пропуск на конференцию по инновациям в экспериментальной физике.

– Ого, никогда не был на подобных выставках научных достижений.

– Я тоже, но все бывает в первый раз.

– А ты сказала, кому взяла второй пропуск?

– Нет, я сказала, что он для одного моего друга, живо интересующегося темой их работы, решила сделать сюрприз.

– Сомнительная идея. Ведь, она должна меня знать, и точно знает, что я погиб. Что она вообще подумает? Как мы будем объяснять ей все, когда она меня увидит? – я замол-

чал, поняв, что Анка смотрит на меня и довольно улыбается. Оставалось задать единственный правильный вопрос, ответ на который я уже мог предугадать, – а, над чем она работает?

– Тетя Лена входит в группу ученых, занимающихся проблемой намеренного искажения пространственно-временного континуума и перемещения материи сквозь него.

– Проще говоря, путешествиями во времени, – прошептал я, обхватив голову руками. Все сошлось один к одному. Эти слухи о разработке машины времени оказались правдивы. Это все объясняет. Вот, почему моя дочь старше меня. Я встретил ее маму в прошлом, куда попал благодаря ее тете. Романтика.

– Тетя только после поездки в Японию присоединилась к этому проекту. И только после этого у них по-настоящему пошли дела. Знаешь, как всякие исследовательские группы пытаются заполучить ее?

– Она, наверно, очень умная.

– Это ты ее сейчас, считай, оскорбил. Она настоящий гений.

– А как она ко мне отнесется? Что она вообще тебе рассказывала о родителях? Обо мне?

– Она всегда говорила, что ты свалился как снег на голову, – дочь засмеялась, – не переживай, она не держит на тебя зла, но, правда, и симпатий не питает. Зато о маме она всегда говорит с улыбкой, она любила ее, а мама тебя. Неужели ты думаешь, что мы не уговорим ее сделать подарок любимой

сестре?

– Ладно-ладно, как-нибудь прорвемся.

После этого разговора мне стало спокойнее. Будет, как будет. Неделя прошла незаметно. Я невольно представлял себе момент нашей встречи, как надо будет себя вести, и что говорить. Что я услышу в ответ. Один раз в таком мечтательном состоянии меня увидела начальница, что немедленно привело ее в ярость. Мы поговорили, хотя, правильнее сказать, в очередной раз поругались. Не могу сказать, почему ей так необходимо было стягивать меня с небес на землю, причем не куда-нибудь, а на рабочее место. Это было бы логично, если бы подобный подход применялся не только ко мне, но и к моим коллегам, но нет. Такой чести удостоивался я один. Хотя, самым перспективным сотрудником не был. Сослуживцам прощались многочисленные перекуры, задержки на обеде, и отлучки по личным делам, я же почему-то должен был жить в радиусе трех метров от своего стола. Чем-то я ей не нравился. В прочем, если бы не это, работать было бы куда скучнее. А так, я один обеспечивал всему отделу зрелища, на хлеб каждый зарабатывал себе сам. От перепалки до перепалки рабочие дни не проходили, а пролетали.

Во вторник пришлось принести на работу костюм, чтобы попасть на конференцию без опозданий. Я собирался уйти без задержек, как и большинство. Переоделся, и уже в дверях столкнулся нос к носу с начальницей. Она смерила меня взглядом, но вместо обычного развития событий спросила:

– Что это ты вырядился? На свиданку что ли собрался?

– Вообще-то на научную выставку.

– Ну-ну. Иди-иди, – она посмотрела мне в глаза, потом отвела взгляд и отошла с дороги, – бросит она тебя.

Я был несказанно удивлен, но это происшествие быстро вытеснили мысли о предстоящем вечере. Добрался до места назначения я с небольшим опозданием, а потому попал в самую гущу событий. Никогда бы не подумал, что подобные мероприятия посещает такое количество людей. Человеческая масса расплзалась по коридорам и исчезала в дверях. Мой пропуск давал мне право входа как слушателю на любую площадку, и еще на несколько закрытых показов в качестве зрителя. Попытка дозвониться до Ани ни к чему не привела, и подхваченный толпой, как течением, я оказался в большом зале, где один раз был на концерте. Даже и не знал раньше, что здесь могут проводиться научные съезды. Я не успел сориентироваться, свет выключился, двери закрыли. Пришлось быстро найти свободное место и усесться. На сцену вышел представительный дядька, и началась лекция. Сначала я думал, что просто усну. Но, ожидание не оправдалось. Рассказ был на удивление понятный и ироничный. По счастливому случаю я попал как раз, куда надо. Речь пошла о перемещении во времени, и о первой экспериментальной установке, которая почти готова к запуску.

– Чем больше всего нас пугает идея перемещения во времени? Ни на чем не основанной теорией о том, что мож-

но в прошлом что-то изменить, испортить, и пустить историю по другой ветке развития, что, неизбежно, в этом нас убеждают многочисленные фильмы и книги, приведет к какой-нибудь да катастрофе. Если не уничтожение всего мира, то, как минимум, петля времени для отдельного человека. Естественно, тут встает вопрос, как мы смеем вмешиваться в прошлое, изменять временной континуум. Тут же возникают человечность и этика, намекая, что мы, скорее, твари дрожащие, нежели право имеем. Но я вот что скажу. Это все миф, причем явно основанный на чрезмерном самомнении. Человечеству, видимо, приятно думать, что каждый чих способен изменить ход истории. Но это не более чем заблуждение, призванное тешить самолюбие. Ничего подобного! Наша команда смогла доказать теоретически, что при перемещении индивида в прошлое, ему позволено внести ровно столько изменений, сколько сможет выдержать рассматриваемая система. Иными словами, он попросту не сможет сделать ничего такого, что существенно изменит даже его собственное будущее, не говоря уже о судьбах мира. Если сказать совсем поэтично, Вселенная готова исправить наши мелкие промашки, закрыть на них глаза, и не разрушаться от каждой совершенной глупости. Но, повторяюсь, в определенных пределах. В принципе, мы сумели обосновать существование этих пределов и рассчитать их математически, для вмешательства в прошлое до четверти века включительно.

Из зала раздался вопрос:

– А что на счет будущего?

– Перемещение вперед во времени невозможно. Потому что, говоря откровенно, будущего нет. Текущий момент синтезируется, что называется, в режиме online. По крайней мере, именно к этому нас привели расчеты. Возможно, если бы люди обладали иным восприятием времени, мы могли бы об этом поговорить. Но на текущий момент наших исследований, это не представляется возможным. С вашего позволения, я продолжу. Вам, конечно, интересно, как мы все это узнали. И для всех интересующихся, мы расскажем об этом завтра, в этом же зале, в 11:00, прямо перед самой интересной частью. Мы собрали тестовую установку для практического осуществления первого перемещения во времени. И это грандиозное событие произойдет прямо у вас на глазах.

Зал разразился аплодисментами. Я чуть не отбил ладони. В груди уже горело непреодолимое желание, даже знание, что завтра я буду там, и ничто не сможет мне помешать отправиться на четверть века назад, на поиски своей единственной.

Выбравшись из зала, я отправился искать дочь. Но это, скорее, она меня нашла. Мы оба были возбуждены и взбудоражены, по блеску ее глаз, я понял, что она тоже слушала, и думаем мы теперь об одном и том же.

– Ты был там! Я хотела познакомить тебя с тетей, но у нее появились срочные дела, завтра вы обязаны познакомиться, наконец!

– Обязаны, так обязаны. Но, завтра!

– Завтра нам надо быть здесь.

– Мы будем. Во что бы то ни стало.

– Тогда надо подготовиться.

– Это точно. Пошли ко мне, будем разрабатывать план.

Мы продумывали мелочи и детали несколько часов. И, казалось, предусмотрели все варианты. Я позвонил на работу, и после неудачной попытки взять больничный, нарочно довел до точки кипения конфликт с начальницей. Она пообещала уволить меня вчерашним числом по любой статье, что меня полностью устраивало. Значит, меня там не хватятся. Друзьям написал, что уезжаю в другой город по срочным делам, и не знаю, когда смогу выйти на связь. Когда они опомнятся, что меня давно не слышно, следов будет уже не найти. Никаких родственников, кроме родителей и бабушки я не знал. Старушка почти год, как покоилась с миром. А с родителями мы практически не общались. Подготовить побег отсюда оказалось делом не сложным. А, вот, спланировать прибытие туда как следует, не удалось. Паспорт будет бесполезен, и даже опасен, потому что будет казаться абсурдной подделкой из-за даты рождения. Значит, я без документов, и ни по каким базам проходить не буду, ведь двадцать пять лет назад я еще не родился. Денег с собой тоже не возьмешь. Ни один банкомат не станет работать с картой, выпущенной в будущем. Купюры и монеты тоже несколько изменились. Если мельком взглянуть – очень похожи, а начнешь рассмат-

ривать – без труда найдешь с десятков отличий. Плюс, на них написан год выпуска, а это тоже сулит разнообразные проблемы. И, вообще, неизвестно, можно ли пронести с собой хоть что-то кроме себя самого. Хотя, хотелось бы верить, что я не окажусь в темном переулке голый, как первый Терминатор. Телефон тоже оказался в списке бесполезного хлама, тогда еще ничего похожего не было. После долгих споров было решено, что стоит взять небольшое количество налички на самый крайний случай. Так же, дочь настояла на рюкзаке с необходимым минимумом вещей и небольшим запасом провианта. Собрать его Аня мне не доверила.

Вообще-то большая часть нашего плана упиралась в слишком большое количество неопределенности. Известно было только то, что вскоре после Аниного рождения погибну и я, и ее мама. Но, черт его знает, может Вселенная стерпит мою попытку все изменить? Может быть, я не погибну, а исчезну, вернусь в свое время? Я чувствовал, что Анка боится меня отпускать, и не только потому, что это опасно. Еще и потому, что я нужен ей здесь. Она всю жизнь была без родителей. И найдя меня, уже через полтора года должна снова терять. Не уйти я не мог, ведь иначе она бы вообще не родилась. То, что я услышал на лекции, вселяло некоторую уверенность. Я не знаю еще, что буду делать. Мне известны только дата и место ее рождения. Соответственно, не позже чем за девять месяцев до этого я уже должен был встретить свою единственную. На этом информация, которой я распо-

лагал, кончалась. Что и говорить, самое то, для единственно-
го в своем роде путешествия. Пойди туда, не знаю куда, най-
ди то, не знаю что. Прямо, как в сказке. Только это не сказка.
И счастливого конца у нее не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.